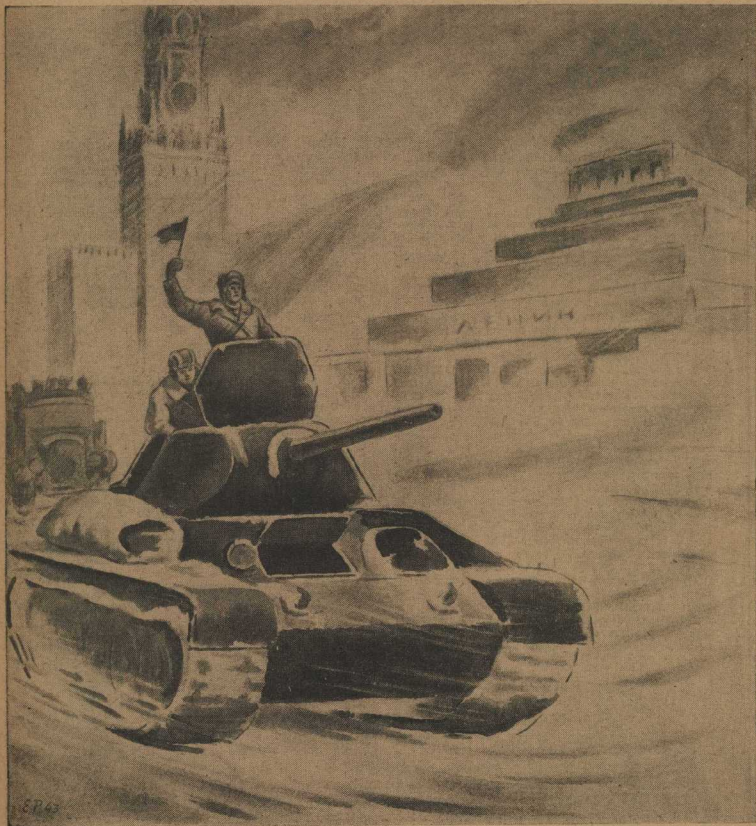

СМЕНА

№ 2
ЯНВАРЬ
1943 г.

ОРГАН ЦК ВАСМ • ИЗД-ВО "ПРАВДА"

ВСЕ ДЛЯ ТЕБЯ, РОДНАЯ НАША АРМИЯ!

ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И. В.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Воодушевлённые Вашим докладом и приказом в связи с XXV годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции, успешным наступлением советских войск против немецко-фашистских банд, комсомолы и молодёжь Советского Союза активно участвуют в сборе средств на строительство вооружения для нашей героической Красной Армии.

По 36 областям на строительство вооружений для Красной Армии комсомолы и молодёжь ввели 181.657.428 руб.

В сборе средств активно участвуют пионеры и школьники. В Рязанской области учащиеся трёх школ Муравлянского района внесли на строительство танков 300.000 рублей, пионерская дружина Кутузовской школы Спасского района — 25.000 рублей и 125 пудов зерна, заработанных в колхозах. Учащиеся Сухаревской школы Московской области внесли из своих средств, заработанных в колхозе, на постройку танковой колонны «Пионер» — 15 тыс. руб., учащиеся школы № 639 Ленинского района гор. Москвы — 9.385 руб. Ученица 7-го класса Берёзовской средней школы Советского района Красноярского края пионерка Гая Горестова внесла в Госбанк на строительство танковой колонны «Пионер» 8 тыс. рублей. Всего по Красноярскому краю пионеры и школьники собрали более 100 тыс. рублей.

Пионерка, ученица 6-го класса Сурской средней школы Куйбышевской области — Таня Чекулаева внесла в Госбанк 9 тыс. рублей. Тане 13 лет, на ней лежат всё домашнее хозяйство. Три дяди Тани — на фронте, два из них — орденоносцы.

«Я хочу, — пишет Таня, — чтобы каждая заработанная мной копейка, вложенная в строительство боевых машин, помогла нашей родной Красной Армии быстрее разгромить гитлеровских мерзавцев и жестоко отомстить им за слезы и кровь невинных детей».

Кроме денежных средств, комсомолы и молодёжь села начали сбор продуктов в фонд Красной Армии. По Омской области после Вашего, товарищ Сталин, ответа комсомольцам и молодёжи этой области собрано 15 тыс. пудов хлеба. Комсомольцами и молодёжью Рязанской области собрано 7.200 пудов хлеба.

Комсомолы и молодёжь открыли сбор подарков для народных учителей — советских партизан. Партизанским отрядам отправлено: верхней одежды — 9.500 шт., белья — 9.250 пар, обуви — 2.050 пар, мануфактуры — 8.477 метров, аптечек — 1.500, табачку — 7.000 пачек, мыла — 5.500 кусков, радиоприёмников — 102, райков — 25.

Кроме этого, отправлено партизанам 102.905 различных подарков, в том числе: постельное бельё, вещицы мешки, холодное оружие, котелки и флаги, головные уборы, нитки, продукты питания и др.

К новому году комсомолы и молодёжь послали партизанам новогодние подарки: верхней одежды — 6.500 шт., обуви — 450 пар, продуктов различных — сахар, масла, коньяки и кондитерских изделий, консервов, мёда — 150 пудов, табачку — 3.000 пачек. Послано разных предметов 22.500, в том числе: платки, тёплые вещи, штаны, бритвы, портсигары и др.

Особо отличившимся партизанам комсомолы и молодёжь послали ценные именные подарки — золотых и серебряных часов — 104, портсигаров — 68, фисских ножей — 400.

Сбор средств и продуктов в фонд Красной Армии продолжается и проходит повсеместно как большое патриотическое дело.

Комсомолы и молодёжь Советского Союза готовы пойти на всё для выполнения поставленной Вами перед советским народом цели — освободить советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев, отстоять честь, свободу, независимость нашей Родины.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ Н. МИХАЙЛОВ

**СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
ТОВАРИЩУ МИХАЙЛОВУ**

Передайте комсомольцам, молодёжи, пионерам и школьникам, собравшим 181.657.428 рублей на строительство вооружений для Красной Армии, продовольствие и подарки для бойцов и партизан, — мой горячий привет и благодарность Красной Армии, мои пожелания им успехов в работе.

И. СТАЛИН

ЛЕНИН С НАМИ!

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 1-2 январь 1943 г.

Год издания XX ● Издательство "Правда"

В НОМЕРЕ: *передача*—Ленин с нами Д. ПОСТНЮКОВ — Воспитание отца начинается в школе. И. АТАРОВ. — Зимний воин. Я. К. КОСТЯКОВ. — СКИИ. — Повесть о комсомольском сердце И. НИКИТИНА. — Вторая спецзадача. Л. СОБОЛЕВ. — Советская молодежь. — 1943 год. Д. ЗАСЛАВСКИЙ. — Крылатая змея. В ЦК ВЛКСМ и ВЛКСП. И. ЖДАНОВ. — Заметки о книге.

21 января 1924 года от нас ушел Ленин. Остановилось дыхание величайшего гения человечества, вождя и учителя трудящихся всего мира.

Когда умер Ленин, ставший врагом неправых инакомыслия: «Слепых», — говорили они, — настал конец и Советам». Десятидвадцать лет прошло с тех пор, и все эти десятидвадцать лет были годами утверждения жизнеспособности дела Ленина, его идей и заветов.

Ленин бессмертен! Его бессмертие — в его учении. Его бессмертие — в партии большевиков-коммунистов, которую он создал и которая прошла славный и трудный путь борьбы и побед. Его бессмертие — в нашей советской Родине, выдержавшей все испытания судьбы. Его бессмертие — в успешных боях и великих Красной Армии, чьи несравненные доблесть и героизм восхищают все свободолюбивые народы мира, ведущие сейчас смертельную битву с немцами захватчиками.

Бессмертие Ленина — в Сталине, заменившем нам Ленина и так же, как Ленин, изучающему величием наш характер через все бурю и штормы к великой и железной цели.

Ленин всегда высоко ценит молодежь. Общезвестно, как часто обращал он свои взоры к молодому поколению, какого внимания он постоянно требовал в воспитании молодежи — надежд и гордости нашей революции.

В дни, когда партия большевиков приступила к непосредственной подготовке Октября, Владимир Ильич, начавшая план вооруженного восстания, слагающую образцом определяла в нем задачу и роль молодежи.

«Выдвигать самые решительные элементы (наших сударников и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях. Ленин тут же указывал, что эти отряды должны действовать под лозунгом: «Погнубить всех, но не пропустить неприятеля!».

Рабочая молодежь постоянно помнила об этом ленинском лозунге — «Погнубить всех, но не пропустить неприятеля!» В памятные исторические дни великого Октября она не на жиня, а на смерть билась в красногвардейских отрядах и на баррикадах. Она оправдала надежды, которые на нее возлагала партия большевиков. Тысячи юношей и девушек отдали в дни Октябрьской революции свою молодую жизнь, за новое, светлое будущее грядущих поколений человечества.

Ленин был основателем Российского коммунистического союза молодежи. Он стоял у его колыбели, он учил его первым шагам в жизни, он указал ему путь к знаниям и труду, к борьбе и победе.

Комсомолю помнит заветы своего учителя. Когда умер Владимир Ильич, VI Всероссийский съезд комсомола, желая подтвердить вечную преданность делу Ленина, решил назвать наш союз Ленинским коммунистическим союзом молодежи.

«Не для красного словца, но из желания носить лучше из всех имен», — говорилась в манифесте съезда, — не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняв это же решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы все трудящиеся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим переломным отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи, проделавшая единой волной и твердой решительностью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществив заветы, оставленные нам Лениным!»

Ленинский комсомолю честно выполняет хляпу, данную над гробом своего учителя и вождя. За эти почти два десятилетия, прошедшие после смерти Ленина, наш союз воспитал миллионы юношей и девушек преданных борцами за дело партии, за дело Ленина — Сталина.

Быть такими, как Ленин, — горячее желание молодых людей Советской страны.

А что значит быть похожими на Ленина? Это значит все свое жить, как Ленин, посвятить народу, все свои силы отдать делу партии Ленина — Сталина, это значит быть такими же

непоколебимыми и бесстрашными в борьбе за наши великие идеалы, каким был Ленин, каким является товарищ Сталин.

Уходя от нас, великий Ленин завещал нам горячо любить и охранять наше отечество, Союз Советских Социалистических Республик. Ленин завещал нам охранять и беречь, как зеницу ока, «Россию, которая освободилась, которая... выстрадала свою советскую революцию: „эту Россию“, — говорила Ильич, — мы будем защищать до последней капли крови». И Ленин Советская молодежь, не желая сиа и не щадя жизни, осуществляет этот священный завет вождя. Это они, верные ленинцы, советстанинцы Сталина — Лизы Чайкиной и Александра Чекалина, Антонина Петрова и Петр Христовых, молодые герои, защитники Ленинграда и Одессы, Севастополя и Сталинграда, тысячи молодых воинов бесстрашиями себя своими подвигами во имя свободы и независимости нашей отчины в борьбе с ненавистными немцами захватчиками.

Уходя от нас, великий Ленин завещал нам быть стойкими и непоколебимыми, суровыми и беспощадными к врагам нашего народа. Владимир Ильич учил нас никогда не поддаваться панике, когда на горизонте появляются черные тучи. Ильич требовал от нас мужественно и смело прокладывать через все невзгоды и испытания судьбы, преодолевать любые преграды, которые встретятся у нас на пути.

«...Какие бы беды ни обрушились еще на нашу Республику Советов», — говорил Ленин, — она победит. Она победит, ибо каковы бы ни были всевозможные издержки каждого поражения, — поднимая к борьбе новые и новые слои рабочих и крестьян, обучая их опыту величайших жертв, закаляет их, рождает новый массовый героизм».

Теперь весь мир узнал, каков он, героизм советских людей. Теперь уже весь мир знает, каков он, патриотизм воинов нашего тыла и фронта, явивших чудеса отваги и героизма. С великой гордостью за наш Ленинский комсомолю мы можем сказать, что в великой отечественной войне, которую вел наш народ, и мы, комсомольцы и комсомолки, юноши и девушки нашей родины, выполняли заветы Ленина, находились в первых рядах смельчаков и бесстрашных, защищая нашу честь, свободу и независимость великого государства, основоположником и создателем которого был Ленин.

Наш вождь и полководец товарищ Сталин неустанно учит нас быть такими же мудрыми и нетерпеливыми при решении сложных вопросов, требующих всесторонней ориентировки, какими был Ленин. Товарищ Сталин учит нас быть такими же правдивыми и честными, какими был Ленин; любить свой народ, как любил его Ленин. Советская молодежь наша, члены Ленинского коммунистического союза молодежи помнит постоянно эти указания товарища Сталина, и это, делая они как можно ближе на фронты отечественной войны, — наиболее яркое тому подтверждение.

В этом номере «Смены» мы публикуем письмо секретаря ЦК ВЛКСМ тов. И. Никольского товарищу И. В. Сталину и ответ товарища Сталина.

Великим патриотическим чувством полны сердца не только молодых воинов на фронте. Молодые патриоты тыла, наши юные пионеры и пионерки делают все, что в их силах, для победы над лютым врагом.

Товарищ Сталин сердечно поблагодарил нас за нашу работу. Ответим же на благодарность вождя новыми усилиями в помощи фронту. И пусть наша комсомольская зрелость о родной Красной Армии будет лучшим воспоминанием памяти великому Ленину.

Десятидвадцатую годовщину со дня смерти Владимира Ильича мы отмечаем в огне жестокой битвы против немецко-фашистских захватчиков. С фронта идут радостные востех на Северном Кавказе, на Юге, под Воронежом, под Ленинградом Красная Армия ведет наступление, смертным боем бьет врага. Надо упорно, утратить натиск — и мы взорвем окончательную победу!

Вперед же на врага, молодые воины! Вперед за Сталина, за родную землю, за нашу честь и свободу!

В. И. Ленин, И. В. Сталин и Л. М. Каганович среди фронтовиков
С портрета художника П. Васильева

В ТЕПЛУШКЕ

Из воспоминаний шофера Гиля

Однажды в декабре 1920 года, в субботу, вечером, Владимир Ильич звонит мне:

— Я хотел бы, товарищ Гиль, поехать завтра куда-нибудь подальше, верст за семьдесят... В порядке у вас автобусы?

— В полном порядке, — отвечаю я.

— А во сколько времени, по-вашему, мы проедем семьдесят верст?

Я объяснил, что всё зависит от дороги и снежных заносов. Если заносы не очень сильные, доедем часа в четыре.

— Ну, тогда выедем пораньше, — говорит Владимир Ильич. — Часов в шесть утра.

Я подготовил машину, и рано утром, задолго до рассвета, мы двинулись в путь. Владимир Ильич любил неизвестные места и стремился к ним с величайшей охотой.

Утро было морозное, ветренное, но это не помешало Ильичу отправиться так далеко.

Ехали мы по шоссе. Дорога была очень снежная, но довольно ровная, и мы доехали к месту за три с половиной часа.

Несколько часов подряд мы охотились на лисицу и невзирая на холод всё углублялись в ящу леса. Владимир

Ильич увлёкся охотой, был весел и почти не замечал ни резкого ветра, ни мороза. Весь день мы не сходили с лыж.

С наступлением сумерек мы отправились в ближний совхоз греться и пить чай.

В шестом часу вечера мы двинулись обратно, надеясь часам к девяти быть дома. Но тут вышло любопытное происшествие, о котором Владимир Ильич потом весело, с юмором рассказывал.

Стоял ледяной мороз. По открытому полю гулял жестокий ветер. Отъехали мы километров на пятьдесят, миновали станцию Подсолнечная. Вдруг машина стала «постреливать». Смотрю: давление воздуха в бензиновой баке нормально, — значит, засорение.

Проехали ещё немного — машина окончательно замерла. Я стал отвертывать бензиновую трубку, руки копеют на морозе, стоим всего минут десять, а вода в баке уже застывает. Всё-таки отвертываю конец трубки, выпускаю воду. Владимир Ильич спрашивает:

— Как дела?

— Очень плохо, — отвечаю я. — Ехать невозможно.

— Ну, как же быть?

Я посоветовал оставить автомобиль и отправиться на станцию Подсолнечная. Вероятно, оттуда пойдёт какой-нибудь поезд в Москву. Другого выхода не было.

— Да, это верно, — сказал Владимир Ильич. — Пойдёмте.

Мы решили зайти в местный совет и узнать, будет ли ещё сегодня поезд в Москву. Явились в совет, разыскиваем председателя.

Сначала Владимира Ильича никто не узнал. Но вот я замечаю человека, который пристально смотрит то на портрет Ленина, то на Владимира Ильича. Затем стал он шептать что-то на ухо другому товарищу. Они быстро ушли в соседнюю комнату. Стало ясно: выкопировали Владимира Ильича раскрыто.

Вскоре в совете началась суматоха. В комнату, где был Владимир Ильич, набралось много народу. Каждому хотелось взглянуть на Ленина, поговорить с ним. Многие из присутствовавших всячески старались помочь нам, давали советы, как лучше и проще поехать в Москву. Владимир Ильич держался очень просто, со свойственной

ему деликатностью, благодарил за хлопоты и просил не беспокоиться.

Один из руководителей совета предложил Владимиру Ильичу вызвать из Москвы специальный паровоз, доказывая, что это переломный способ быстро вернуться домой. Владимир Ильич наотрез отказался.

— К чему же специальный паровоз? Совершенно лишнее, — говорил он. — Доедем отключив и с товаром. Пожалуйста, не беспокойте, товарищи!

Мы вышли на улицу и в ожидании товарного поезда стали прохаживаться вдоль станции. Ветер стих, но мороз стал еще крепче. Кругом возвышались холмы снега — следы долго бушевавшей метели. На лице Владимира Ильича не было тени раздражения или недовольства; он попрежнему был спокоен, премежами похуивая. Невеская жизнерадность не покидала его и в минуты затруднений.

Вскоре прибыл товарный поезд. Состав небольшой — вагонов пятнадцать. Мы стали выбирать вагон, куда сесть. Я заметил, что товарищи из совета о чем-то говорят с начальником станции. Тот засуетился. Ведут нас к паровозу: там, оказывается, вагон-теплушка, где помещаются обер-кондуктор и бригада.

Через минуту мы очутились в вагоне. Здесь было довольно тепло: печь пылала вовсю. Мы разместились вокруг лежки; Ильич — между мной и кондуктором.

— Да, — говорит Владимир Ильич улыбаясь, — путешествие с приключением. Ну, да здесь не плохо; тепло. Отлично доедем. Вель все надо испытать!

Когда мы вошли в вагон, здесь было всего несколько человек — кондуктора и охрана. Но вот я замечаю, что народу у вагона и в самой теплушке собирается всё больше и больше, а поезд всё не трогается.

Оказывается: от кого-то узнали, что в теплушке Ленин, едущий в Москву. Все находившиеся в это время на станции хлынули к нашему вагону. Часть людей толпились у открытых дверей, а кто посмелее, даже в вагон забрался, — дескать, погреться.

Простояли мы на станции с четверть часа, пока паровоз заправился топливом и водой. И вот паровоз прицеплен, а вагон входит обер-кондуктор за ним двое красноармейцев. Начальник станции дал сигнал отправления — и мы двинулись в Москву. Поезд шёл, к удивлению Владимира Ильича, очень быстро.

Через несколько минут один из красноармейцев обратился к Владимиру Ильичу:

— Товарищ Ленин, разрешите доложить...

Владимир Ильич поднял на него глаза и приветливо сказал:

— Пожалуйста, говорите, в чём дело. Садитесь рядом, товарищ, — и подвинулся, чтобы дать место красноармейцу.

Красноармеец присел на край скамьи и весело начал свой рассказ:

— Я начальник команды, сопровождающей этот поезд. Везём из Риги в Москву медикаменты, двадцать вагонов. По дороге загорелись буквы, и мы растеряли несколько вагонов. Я настоявал, чтобы не отцепляли, а сделали перегрузку, потому что охрану вагона оставить в пути я не могу. Продуктов у нас очень мало, и без смены люди пропалут на таком морозе...

Владимир Ильич насторожился, слушая красноармейца с возрастающим интересом.

— Нам слова никакого внимания не обращали, — продолжал начальник охраны. — Отцепку сделали, и мне всё-таки пришлось оставить людей для охран

раны вагонов. Состав я приведу неполный и потому, наверное, попаду под суд. Посоветуйте, как мне поступить, товарищ Ленин.

Владимир Ильич выслушал красноармейца очень серьезно, не перебивая, и, немного помолчав, сказал:

— Да, это — удивительное обстоятельство! Такой груз, как медикаменты, — для нас в настоящее время большая ценность. Всё это надо строго расследовать, а вы, товарищ, не волнуйтесь: под суд не пойдёте. Как придем в Москву, поймаем со мной, я приму меры.

Поезд остановился у вокзала. Владимир Ильич в сопровождении красноармейца направился в Ортогекса при станции. Ильич поступил в окошко; оно отворилось, и оказался человек в военной форме — дежурный Ортогекса.

— Вот какой случай, товарищ, — начал Владимир Ильич и рассказал, как по вине работников транспорта по пути в Москву застряло несколько вагонов с медикаментами.

Изложив всё подробно, Ильич попросил предоставить красноармейцам помещение для отдыха и не беспокоит их до особого распоряжения.

Дежурный Ортогекса слушал и удивлялся: кто бы мог быть этот человек в штатском, говорящий так авторитетно? Владимир Ильич понял недоумение дежурного и достал свой официальный пропуск Совнаркома.

— Я Ленин, — сказал он дежурному, протягивая пропуск.

Дежурный мимом вскопчал и отработал:

— Слушаюсь, товарищ Ленин! Всё будет исполнено!

Затем Владимир Ильич дружески распрощался с начальником охраны поезда, кивнул головой дежурному, и мы поехали в Кремль.

Ты ленинского имени достоин

Вера Инбер

Нигде, ни на одном материке,
Не существует, кажется, страны,
Где люди на любовь бы языки
Не понимали — Ленин.

Поля, заводы, рудники и копи —
Везде, где знают, что такое труд,
В любой стране: в Америке, в Европе —
Все ощущают сердцем: Ленин тут.

В Чунцзинь — в школе, в университете,
В студенческой читальне — везде он,
Китайским живописцем на портрете
По своему подобью изменен.

Но лучшее его изображение,
Великий русский город, — это ты.
Какое волево напряженье,
Какие величавые черты!

Великий русский город, город-воин,
Ты победила в невиданной борьбе,
Ты ленинского имени достоин,
Которое присвоено тебе.

сктерно, вынудив за старательно упакованного ула. Снайперы приехали с фронта павшим. Людмила расширялась самозаром. Был слух, разбавленный водой, были лепешки на хлосовой муке, был сахарный песок, выспанны «майора» в жестяную банку из-под лимонной кислоты.

Алексей сидел на стуле, качая на его двух ногах, и пелая «Шар голубой», де-

Братья.

Из «Севастопольского альбома» художника Л. Соффертиса.

ла особенное ударение на словах: «Вот эта улана, вот этот дом...»

— «Вот эта девушка, что и влюблён», — заговорила Людмила, показывая рукой на «майора».

Из кухни Котика закрывая тоненьким голоском:

— Мама, Чэ!

— Чай записал, — расшарокала тётя Оля и удалилась на кухню.

В эту минуту присмирившим снайперам казалось, что война так далеко, что им всё не достать, что нет фронтовой «тёплой лопы с узелком пушек и воем мянонгов, нет медицинских и военных госпиталей со стном раненых, нет огневых стух, бродящих по дорогам на Укрине. И все семки по всей России — мушкет с жёнами, розничка с снайперами — сидят сейчас за столом, опьяненные одним счастьем встречи...

Открытая комната и не зная, что бы ещё сказать, Людмила спросила:

— Вы любите розовый абажур над столом, товарищ Кисенко?

И он ответил в тон:

— Да, если он не раскачивается, а зто... Она молчала головой:

— Он не раскачивается. Сегодня желтый вогола.

— Да, это и невозможно вышло...

— «Вышла», — перебрала Людмила, оглядаящая на мужа выжилом взглядом.

— Мы попросим «майора», и она оставит комнату за нами, — сказала Кисенко.

Там шел этот вечер в Севастополе и вездную похоту, похотой на все несексе, на все одесские, на все белоцерковские довоенные вечера.

Но как только Людмила вытянулась, наковел, на чистой простыне, на мягкой постели и голова её погрузилась в пухлую подушку, тяжёлый, грохочущий сон войны охватил её. Попада сповидения, что-то борются: «Приказываю — уходи!». «А ну, возмозись к господу богу!». «Победе, победе, ребята, артиллеристам!». И то её обступали бойцы, согрелая, моющую, в полах своих шивели, то она

выдела отпа, то «Яня» кричал ей то каки-то развалин: «Прощай, казак!» — и не было в этих тяжёлых снах никакого смысла.

Утром Людмилу разбудило солнце. Оно лежало на скалахх и шивели и на одежде тажины тёплыми ветлами, что Людмила даже не побила сразу, что к чему. Дети ждали её пробуждения и бежали в комнату.

— Крокодильчика мой, дайте умыть!

Она ползла, соревнуясь с Женой, лавинила зубы колочей шёлкой, чтобы укрестить десны.

Алексей был бодр и весел:

— Как здорово! Как похвалил на дарах!

— Ничего, только очень кушать хочется.

Там, в беспоточной суматохе, начался вторая день их отпуску. На обед они чистили пистолеты, а Котика помыли ван. Потом Людмила читала «Севастопольские рассказы» Толстого.

И дому не хотелось выходить Там, на уланах, асуду смелы разупрощен, чёрные, открыты похалады, полузащитанные воронки, залат чары. А здесь тётя Оля, поглядывая на солонечное окно, шила для бойцов варежки. Котика читал басни Крылова. Жёна возилась у углу с кушлой. «Сиди тут. Это — убежище.» — усаживала она кукулу под пинию.

За вечерним столом, более скромным и будничным, чем аьера, разговор шёл о фронте.

— Вот уж сколько раз была в госпитале, — укорала тётя Оля Людмилу за неосторожность. — Довозесть, а везь молдине!

И Людмила, обложенная наместилкой улабой Алексея болные, чем называли речью «майора», вытуживала свою спайперскую четку.

— «Майора, дорогой, вы обещаетесь».

Алексей смеялся. Конечно, она права, но...

— Обожай, и ты похалей! — крикнула ему Людмила и тоже смеялась.

Тётя Оля между разговором нашла зоди и вёдра и ввела их в комнату.

— А неважидишь ты немцев, Людмила? — спросила она тем убежденным тоном, который означал, что это даже ве вопрос, а так, самоувещивание.

Людмила не ответала, а желанный Алексей объяснил:

— Вы знаете, тётя Оля, когда слышишь немечке голоса, вдруг сразу чувствуешь себя русским... Это надо самому испитать.

Тётя Оля пыталась опять в это время тяжёлой физиономии кушани с волки над диваном.

— Поводите и помогу, — сказала Алексей, — а зачем это?

— Я преднаточил убраться на пол, то, что может уиств...

Людмила улабиулась:

— Леталя похота!

И тётя Оля прекратила свои хлопоты. Она, видимо, стеснялась фронтовика, стеснялась высказывать своё беспокойство. Она уехала за пинию, повзола Котикку и стала старательно

ирать заученную простовую молдиню, а Котика прозрачным голоском спел знакомое, пушкинское:

«Бура милою небо кровт, Визри снежные крути,

То как зюрю они лавост,

То залетает, как дитя...»

В конце вечера тётя Оля привезла к дугоске курточка Жёны ашарный нагикет с надякью «Жёны и Котэ» и они отправлялись на всю ночь в убежище. Тётя Оля не ренилась аргументировать фронтовиков с собой и тогда ко подробно объяснила, как их можно найти, если что-нибудь понадобится.

— Визит, летняя похота? — спросила Людмила.

— Да, сегодня стония будут, — сповидно сказала тётя Оля.

Оставшись вдвоем, Людмила и Алексей долго пробавлял со столом, мыли похоту.

— Сейчас будут они одождать. Тебе ничего не снится? — спросила Людмила уже в постели.

— Снится, — сказала Алексей.

И вerno как только Людмила закрала глаза и загнулась на мягкой постели, сонидение началось, как будто память обрабатывала всё выделное и смешанное, и переживное. Ей снился июньский поход: грузовик оодуничивалмо хлосид карбюратором, а она сидела у двери и бесконечно сматывала с ноги раненого товарища грязную, с засохшей глиной обувь, которая, шлепая на её руках, шуршала и дряп — свист и грохот.

Тётя была та тинка темнота после бомбы, которая ве мешат видеть шель, стоную у кровати.

Всё, — сказала Людмила и села в постели.

— Алексей, ты жёна?

— Как помру, собою, — сказал Алексей.

За стенами домаи свистели а грохотали бомбы и слышались орудийные выстрелы: шел ночной наёт на Севастополь.

— Вот карусель! — сказала Людмила. — Надо встать, Яня.

Кисенко извездно сказал:

— Пинь на них, Людмила, — тоже сел в темноте, закурил папиросу.

Теперь они слышали вникание раскачивающихся испок абажура. Похотелко наивно в кухне распахнулось окно. В комнате улаво палю.

— Иди! — смотрел, гля-то близко улаво, — сказала Людмила, но её самой не хотелось надевать слюны. Она ещё подумала и сказала: — Аминь... едем обратно.

— Отдохнуть приказано. У тебя шав...

— Там и отдохнёт. Мне страшно, —

— Тебе не страшно, а просто тохосило... Ну, и мне тоже.

В мерцании освещённого с улицы окна Алексей выдел белую фигуру Людмилы, сидевшей по-турецки.

Затлок трофейной оружи.

Из «Севастопольского альбома» художника Л. Соффертиса.

Что вы, крошки, что вы — опять затопили Людмила.

— Только, что вы глазами поволокли, немая, — согласился Кисеико.

И мысль, что можно в самом деле усесть наизла домов, то есть в пол, уже не показались ему неуверенной.

— ...Доверья, сын снится, — перечисляла все дома Людмила, — во-вторых, противно. Ни я, в претель, ни вы мешаем — смайоры, Котья, Желые.

— Мешает — спросил Алексей, оземаясь и топа ногою шугатуеку.

— Да, няный Лейл, мешаем бороться, как вы жемте.

Он неторопливо оделся в шпиль, запер квартиру. Дорога их шла по стенам, в темноте. Улица была потресканая. Происли на вокзалах равных женщин. Слышались такие разговоры в подворотнях — всё казалось приглушено и тихо, не как на фронте; Людмиле казалось, что даже равные женщины на людских стенах вполголоса. И это было особенно странно после того шипения и свиста, с которым пролетела бомба над десятью квартирами и грохнула в чем-то темном доме. Она заглушила в этот вечер Помирание, стоявший в воротах, не мог зарезать людям ходить и видеть. Темный квадратный дом — он только что снял. Сейчас кузие, всебажае...

Подворотеньная.

Из «Севастопольского альбома» художника Л. Соффертиса

люди сторчя выжили и растаскивали балки, преураждая друг друга такими окриками.

Казалось удивительным, что в час такой беды не зажалили огней. Бомба упала на стену дома, и половина воронки была, вероятно, во дворе. Но окна с забитыми стенами противонарывных стен двора были пусты, как будто здесь никто и не жил. Как будто люди, поселявшие эти квартиры, десять минут назад, забавлясь в углу, спитались, не рождая, не споря с собой, которая умерла в этих обломках.

— Женщина обнаружена в верном этаже, — доложил пожарник какому-то начальнику.

Людмила уползла странную дыру во штукатурной стене, сквозь которую свободно входила люда в соседнюю квартиру.

— Подой — тихо сказала Людмила и потянула за ручку. Алексей, боясь нарушить внутри себя то странное сполотение, которое она теперь так замечала за собой перед босс и в которое помогало ей воевать.

Но улица не нарушила её спокойствия и равновесия. В железной решетке маленького

окна забитованная голова старой женщины вытислилась, как будто.

— Прогоните этого мерзавца с себя! — сказала старуха двум воинам, не войная, видя, что один из них — женщина.

Для неё, для старухи тотальная война, а кровь миллионов людей, и желанная победа — всё было в этом возмущенном крике: «Прогоните мерзавца!»

Война была во дворе разбитого дома, на улице, затопленной битым стеклом, в голые пришеютой старухи, и эта война фронтовыми казалась здесь, в городе, страннее, чем на передовке: она разрушила не только стены, рвала на куски не только тела людей — их руки, ноги, животики: она разрушала все представления привычной жизни, неприкосновенности словесческого гнездова — квартир и квартир.

Опыт зарылся вверху чужой мотор, и тогда светилась стабилизатор и грохнула близко.

— Сейчас вторая остроканва, — сказала Людмила, вернее самому себе.

Отвратительное ощущение бессудия и тоши соединилось вдруг с такой злобой, что он непроизвольно, вспоминая о пистолете, рукой нацупила кобурку. Она была растерятой, и это отступило его шла. Он улыбулся: догадался, что это Котья лаяла, не мог сдержать честного ипомерского.

— Где вапш? — спросил он Людмилу.

— В убежище. Это в саду, в поселке Рудольфа.

— Туда даже заходить неудобно. Военные люди...

— Называется: злая отпущка!

Желтые концы огня лились выхлывали за домом сразу в семи местах, ослепляя полугорую улицу Матюшенко.

С трудом рыскалота они, по приметам, на задворках запущенного сада в убежище, в котором срывались тела Оля с детства. Они открыли дверь, и на них зашпакля. Свет кончился незримо осыпал стропила из окрашенных досок и фанеры и блеснула лиша марных жителей.

— А мы, тети Оля, на фронте, — сказала Людмила, протисывая ключ через вельскаго голода.

— Сидите тут, — сказала тети Оля. — Закуриваете?

— «Майора» — шуточно назмурили Павличенко, — не надо спорить.

Она испытывала невольность, но зная, как облекать хоббию свой внешный отбел, подождал на бегство. Как ей сказать, что всё испитанное сейчас хуже смерти, что эта тоска вымечдала их из города немедленно, чтобы дышу их тут не было, вот только.

И в эту минуту короткий свет, и странное давление воздуха, и что-то громоздкое в ушах — звук, ошущаемый внутри глазами иблочки. И самое успокоительное: шорох слышался словно доска земли.

Котья апылака. Он просто не понимал, что случилось. Он проснулся в темноте. Он слышал козию и дрожание толка взрослых, кому он привык доверять свой страх, а в маленьком сердце его всё реально от ужаса.

— Сичку! Сичку!

Кто-то зашептал спичку, кто-то вскал на земде копилку. Потом её зажали. И в ужасе —

ие за себя, за детский испуг — тети Оля указывала Котку из груди, как совсем крошечного, и не знала, как успокоить.

— Это папа бьет фашиста. Гаушши, не бойся... Слышится: бум, бум!

Она испытывала прислушивалась вместе с маленькими. Углубил зонит.

И Котья повернул маме. Людмила, не отрываясь, смотрела на него. С тем вздорно-беспомощным выражением, которое бывает только у детей, тактичных и у тресклятых ребят, он пошел кулаком.

— Уу, как бьет вапш! — сказал он голосом, совсем не таким зловещим, скачущим, кажим под два часа казад «буря мглою небо кроет». Теперь он хрипло, со сна, с колозавишеским сердцем испуганно громылся: — Вей, вапш, шибей!

Слышалась земля меж бремен наката на детском одеяло. Но Котья не было уже так страшно. Со сна всё волшебнее просто у ребят: это шпакля стояла внастреже горю. Он не там, не под далекой Москвой, нет, здесь, за дверями земляника, стонг над Севастополем и был подлых фашиста.

Людмила горло сжалом волнением.

— Вей, — сказала она, топло выдохнула всей грудью.

— Они почти бежали по темным лесам своим ушами посёла Рудольфа. Их обогнала грузовая машина. Они на всякий случай дозвонили ручку. Грузовик прощесал в темноте и вдруг далеко вперед затормозил. Чей-то молодой голос вселю кинулся:

— Давай, кто ли?

Они бросились бегом, вскопали в кузов, и грузовик рванул с места так, что запылали и попрыгали в кузове банки и занесные скаты. Он сморчался в темноте, уполз и сбился, и задрожало семи пожаров, постепенно сливаясь, возвращавшись вместе с ним, и мгла улич казалась напыщенной гарью и димом — только без запаха, будто из стекла.

— На фронте! — крикнул Алексей в шифёрскую кабину.

— А куда жёл — асело отателл тот же голод.

Они долго молчали, прижавшись друг к другу, чтобы не трясло. На поляк вылаз свет, здесь было светлее, чем в городе. Дорога круто развилась, была подвём, и город уходил за округлые бемы вярнам суживших волей.

— Сейчас он раскочкается, — сказал Алексей.

— Кто? — спросила Людмила, выходя из круга своих мыслей.

— Ваш розовый абжур, товарищ Павличенко.

Резаный скат выехал на кося, и они дружно отпихнули его от себя в угол кузова.

— Работя полумают — бежали. Ай да бомбежи! — сказала Людмила.

— Гудитесь — пошутил! Не стрелять, даже не видеть его — хуже любого страха... Вообще уйти от войны нельзя.

Людмила усмехнулась.

Уходит на посылки.

Машина остановилась у заставы. Подождали бойцы. Алексей спрыгнул, показал документы в записку.

— Ага, шумит напши! — сказала Людмила, вслушиваясь и удивляясь, как шумит рюкзак артадлерской канюнда.

Здесь уже выстроили бели слышны и ваши батареи и близкие разрывы немецких снарядов.

— Пушка, — сказал Алексей.

— Нет, гаубица, — поправила Людмила.

Докуренная пугария на шифёрской кабине вылетела далеко за дорогу. Алексей выобразился в кузов, и машина тронулась дальше. И скоро артадлерская стрельба стала слышна так отчётливо, что даже шум мотора не заглушал отдалёвый звук.

ПОВЕСТЬ О КОМСОМОЛЬСКОМ СЕРДЦЕ

Як. Костоковский

Документы, плакаты, стенды этой выставки — как страницы книги, собранные воедино, — это повесть. Большая, волнующая повесть о комсомольском сердце. Она наполнена жизнью, подвигами воинов, буднями тыла. Через все стенды здесь красной нитью проходит война. Так и называется эта выставка — «Комсомол в отечественной войне».

Выставка открылась в Государственном Историческом музее. Как זאת; может быть, в этом союзнении большого смысла, может быть, пробитый пулею комсомольский билет героя с витрины выставки будет бережно перенесен в Исторический музей, потому что жизнь этого героя — история... Об этом думаешь не один раз, когда переходишь от стенда к стенду, из зала в зал.

Но выставка «Комсомол в отечественной войне» — прежде всего наш сегодняшний день. И он раскрывается перед нами во всём своём многообразии.

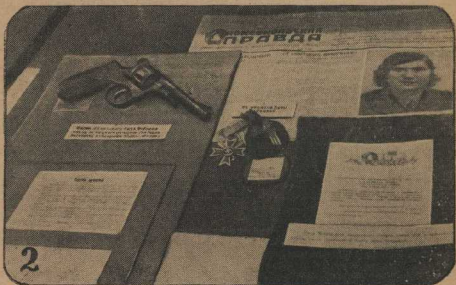
Только на минуту нас возвращают к прошлому комсомольские газеты за 22 ию-

ня 1941 года. На первой полосе ещё не был набран жирным шрифтом заголовок «От Советского Информбюро». Газетные столбы ещё говорили о том, как лучше провести выходной день, об отрядном футбольном матче, о Сельхозозимственной выставке... Мы возвращаемся к мирному времени, чтобы вновь почувствовать, как дорого нам то, что мы отстаиваем в бою.

И вот уже он, этот бой, жестокий и кровавый. Юлиан Добровольский, скупые заявления которых мы только что видели на стенде, стали воинами. Они сдерживают бешеный натиск врага, они познают вкус ненависти. Украина, Белоруссия, Прибалтика — жаренное немцами тело родины встаёт из фотодокументов. Первые герои отечественной войны — комсомольцы. Первые отряды народных мстителей — белорусская молодежь. Первый огненный таран — его совершил комсомолец.

Так начинается повесть о комсомольском сердце.

Ничего нельзя пропустить. Перелистайте внимательно альбом, посвящённый восьми героям-комсомольцам, повешенным в Волоколамске. Вглядитесь в лица, изображённые на барельефах. — Зов Комсомолян-

1. Так выглядит один из залов выставки. Он повествует о комсомольцах — первых в бою.

2. Волнующая, незабываемая витрина. Под стеклом — наган и трофей Лизы Чайкиной, грамота о присвоении ей звания Героя Советского Союза, портрет мужественной комсомолки. Здесь каждая вещь напоминает о её жизни и подвиге.

3. «108 выстрелов — 108 уничтоженных фашистов» — так написано на одном из стендов выставки. Это — боевой счёт снайпера-комсомольца Герасима Гриня. А справа — фашистские ордена, погоны, медали, кресты — богатые трофеи снайпера С. Иванова.

Вторая специальная

И. Никитина

ека, Лиза Чайкина, сын Осетин Зларь Дзюг, защитница Севастополя и Одессы Илья Оглозлов, снайпер Феодосий Смоляков, летчик Виктор Талалаев, партизан Шура Чекалин — всё это те, чьи имена мы носим в сердце. Здесь же их письма, дневники, семейные фотографии, комсомольские билеты — они остаются в памяти навсегда.

Кто пришёл павшим героям на смену, кто занял их место в комсомольских рядах?

Стенд отвечает кратко: 2 миллиона юной и девушки страны. Это о тех, кто вступил в комсомол за 17 месяцев войны, это о том, как вырос и возмужал комсомолец. Вот двое из 2 миллионов — Борис Пролоров и Иван Федоров, уральский старшина и Герой Советского Союза. Они по-разному отметили день своего вступления в комсомольскую семью: Пролоров дал за смену 1017 процентов войны, Федоров в бою у села Дятково сражался один против 100 немцев, причём для 40 францев война в этом бою закончилась.

Таких герой мира на выставке. Они живут на стендах, если хотите — говорят.

«Да» — точно выделены на картоне встает цифра во втором зале выставки. Это количество Героев Советского Союза, которых дал родные Ленинский комсомол. И стенд рассказывает о героях-партизанах Дмитрие Каменеве и Иване Шенстокове, о батырах советского неба Борисе Сафонове, Николае Гастелло, Степане Рядком, Тимуре Фрунзе, о танкисте Тимофее Шандо и пилотине Василии Киселюк, об всторе Арнольде Мери и об кожанке Ное Адамья. На этом стенде величайшее подвиги и сама жизнь — простое письмо полнотракта Василия Ключикова: «Нина и Ээлл Помел в бой. Целую. Выша папа».

Сделайте в этом зале выставки ещё один шаг — и снова встает вынимае привлекать цифры. Каждые 4 из 5 комсомольцев Ленинграда на фронте. И талонки советских под Москвой летчиков-комсомольцев. 250 дней держался против полчищ врагов герой Севастополь. Об этом рассказывает стенд посвященный городангером. 10 500 тонн пороха стрелили комсомольцы Ленинградского фронта — значительная дачения снайперов. Им также посвящён отдельный стенд.

Такова арифметика войны.

А разве не интересна цифра в зале, посвящённой о комсомольцах тыла? О том, что на одном яни автозаводе имени Молотова работает 4200 молодых двухсотников. О том, что молодцы Урамышадзаводе экономила свыше 10 миллионов рублей. О том, что бригада комсомольца Привалова (Кузнец) дала сверх плана стали на 8 танков, 10 орудий, 5 тысяч миномётов и 25 тысяч снарядов.

Мы рассматривали этот стенд вместе с группой молодых сталеваков моего завода «Серп и молот». Рассматривали и удивлялись работе бригады Привалова. Но ещё удивительнее было то, что ни один из рядовых сталеваков, стоящих с нами рядом, этому не удивлялся. Оказалось, она сами не намного уступают бригаде рекордсменов Кузнецка. Молодые люди увидели на фотографиях и плакатах своих друзей и себя. И в такой жгучей правде вся сила выставки.

Можно долго спорить, насколько хорошо тот или другой стенд. Но совершенно бесспорно одно: когда уходил с выставки, в движении заднего оставалось виденное и ясно представлялось себе всё величие комсомольских дел. Будто ещё на мраморной дачение, у входа в зал, тебя встретил удивительный рассказчик, который провёл по выставке и рассказал о комсомольском сердце, мужеством в бою и пламенном в труде.

Утром, до начала смены, восемнадцатилетний комсомолец Колотушкин подошёл к Захарову — комсоргу цеха:

— Мне бы вторую специальность получить.

— Какую специальность? — удивлённо посмотрел на Колотушкина комсорг. — Ты ведь и словарь отличник и сборщик изделий.

— О другом и говорю: вторую специальность.

В цехе создавалась группа по изучению военного дела. Захаров взял тетрадь и сказал:

— Записывай тебя, Колотушкин, первый в военное подразделение нашего цеха.

В первый раз собрались в цехоме. Сумерки ещё боролась с жгучим светом электрической лампы. С лязгом и грохотом прополз по окнам танк. Дежурный голос поперуился к нему.

— Ещё один шаг красавец с конвейера сошёл, — признаёт кто-то.

И сразу всё стихло. Только отчётливо прозвучал в комнате голос преподавателя: — Внимание, товарищи! Перед нами военный образца 1891 года. Разберём её боевые свойства.

В этот же день токарь Богданов, раньше своих друзей закончивший курс Всесоюзной, стоял перед столом приёмочной комиссии в райвоенкомате. Пожилой человек со шпаллами в ретинах пробралась довольным взглядом по стальной фигуре юности. На все вопросы Богданов отвечал коротко, по-военному: да, он вылезет штормом, знает вышотку; в Ленинграде был в цеховом рабочем батальоне.

— Вот вам направление на курсы танкистов, — сказала председатель комиссии. — Будете командиром орудия.

Так юности ещё о тылу становались военными.

А девушка? Пока Колотушкин слушал рассказ преподавателя о вышоте, а Богданов, тщательно обрабатывая деталь танка, уже вывел себя в боевом отделении грозной машины. — Все комсомолки 2-го механического цеха во главе со своим комсомом — контролёром Михайловой — учились в медико-санитарной дружине.

Как-то, возвращаясь домой с занятии, девушка встретила комсомольца Ивана Париченко.

Шёл он медленной аходкой хорошо проработанного человека, усталого, но довольного.

— Ты сегодня, Ваня, пьяненьким выглядишь.

— С азородом я, с первого поёта...

Девушки окружили Ивана, проводили до дома. И всё подробно доложили ему на рассвете: как пьяно и легко вывился планёр к серому уральскому дебу, как безответно следил Париченко за стрелкой вышотомера.

Всё недели, месяцев. Ставки, испытательные стенды и контрольные ящики — это дело. Военная учёба — это вечер. Исчезло у комсомольцев из обихода слово «дедушка». Но это сказал, что хоть раз дедушка плечи во время работы, что хоть раз сгладил неверное движение проторные молодцы руски?

Фронт ждёт танков. Попробежу сталеваков. Колотушкин работает на сборке. Влозе перекраивает ярму Пальсоева — будущая медсестра. В комсомольской организации второго механического цеха, людей, нарушающих строгий ритм производ-

ства. Нет здесь и ни одного человека, преисполненного святой комсомольской обязанностью — овладевать военным делом! В конце месяца комсомольское цеховое собрание подвело итоги подготовки боевых резервов для Красной Армии. Выполнили программу Всесоюзу, рассчитанную на 110 часов, для людей, по горло занятых в цехе, — дело не лёгкое. И всё же тридцать три комсомольца на экзамене получили: комсомольцы — «отлично», пятнадцать — «хорошо».

В руках комсорга Илья Захарова, когда он рассказывал об этом, был маленький букашкин четырёхугольничок. На нём значило райвоенкомата и чётко выстукиные на мажине слова:

«Бойцу женской стрелковой роты, отличному оладывшему материалу частью вышотки и стальной подготовки, тов. Шпановой объявляется благодарность».

Таких благодарностей четыре.

Почем комсорг говорит о десяти комсомольцах, заканчивающих обучение в пилотёрной школе и на курсах танкистов, о девушках, занимающихся в медико-санитарных дружинах, о тех членах комсомольского бюро, которые ещё год назад в Ленинграде получили военную специальность.

— Теперь, — заканчивает комсорг, — мы имеем полное право написать ответ Николаю Крайнову.

Кто такой Крайнов? Комсомолец-инвалид, добровольно ушедший на защиту родного Ленинграда. Трижды раненый в бою за родную землю, он недавно привёз письмо товарищам по цеху, укажиным строить танки в глубокой тылу на Урал:

«Поразовало — и сразу же на фронт. А мы рассказывали, как помнит Красной Армии. Можете ли уже сейчас быть врага?»

«Да, можем!» — отвечают ему комсомольцы: слесари, токари, сборщики, контролёры, конструкторы. «Можем!» — говорит Крайнову весь комсомольский организационный завод, молодежь всех цехов.

Сприсите у комсорга Гелазуидова, чем занимается его комсомольцы в свободное от работы время.

Они учатся штыковому бою, искусству гранатометания. Редеющую девушку из цеха топливной аппаратуры или конструкторского бюро можно встретить без каскета по основным хирургии. Молодёжь цехов, где комсоргом Есмерком, Пыжов и Золин, упражняются в переделании по-нашуты.

Зима нынче вылезла рано на Урале. Ромашки снежная лавина акругато застелала землю.

Они за другим приходят комсорги в комитет комсомола.

— Мы организовали у себя две роты лыжников, по три взвода в каждой, — говорит Захаров.

— В нашем цехе учены все люди, могущие носить оружие и ходить на лыжах, — сообщает Гелазуидов.

— На базе пародка, — паролует член комитета Шпанкин, — всеоспорт пар лыж, как мы и планировали на первое время, в воюной боевой готовности.

Встали на лыжи снайпер Колотушкин, санитарная дружина Пальсоева, плают Пырченко. Сотни комсомольцев вышли на заснеженные поля.

И это — армия, грозная для врага боевой вышоткой своей.

Урал, город Н.

Грозное слово

Л. Соболев

Третью ступень на поляны, лес в дождь падал снег, шумел в обильной Лопыни, холмы, мосты — всё было сурово и мягко, волнисто и плавно. В этом удивительном спокойствии очертаний, присутствии русской зимы, стояла великая тишина долгого сна природы.

Но за время войны взгляд обострился. Снег лежал на земле белой трагической маршей бытов, и казалось, что роковые пятна крови вот-вот проступят сквозь ватные комья сугробов. Под чистой и прохладной козырькой была истерзанная земля, и глаза видели несказанные её раны: широкие разрезы противотанковых рвов, чёрные язвы окопов, равные края окопов, глубоких и узких, как след клякши: недавно ещё здесь бугорками била.

И хотя снег шёл третий сутки, всё же его оказалось мало, чтобы скрыть следы бегства разгромленного врага. Вдаль лесные дороги кривым часточком торчали руки и ноги, затвердевшие на морозе; стояли орудия; изуродованные остоями машин; темнели границы танковых колонн. Недалекий парад иерушев и обломков, оставленных врагом, указывала путь к линии фронта, а она с каждым днём отходила всё дальше на запад. Это были дни внарежков наступления Красной Армии под Москвой.

И ещё одного не мог скрыть soltanto этот обильный снег — пожары. Мстительными укусами убогающего зверя они чередой возмущали на белых просторах. Горный запах беды и разорения вливался из снега, отдавая чистый морозный воздух и тонкая думу. Кто хоть раз влохнул в себя стальной этот дым, тот навсегда запомнит его. И нет мерзла глеву, рождённому в сердце злого горьким запахом беды, токсичным в стрессам.

Пышка, чем ближе к фронту, тем была горюче: в той пышке немцы были вналегло извая, а этой — три дня, отсюда их вывели только вчера. Удар морозов здесь был стремителен, а немцы не успевали сечь всю деревню. Наша машина остановилась у краевой, удалённой избы.

Из откатыч её дверей вышла пар, как из бани: морник устроила мокрую суббитую приборку. Смороцница, сухая старуха счастливо металась в голыши в сених, суетясь и мешая, пока Петручки, наводчик второго орудия, не отнял у неё голки.

— Не копошись, бабушка, салам тебе помещене в поном порядке... Ну и культурно у тебя франки жили: третий раз князятко прохаживал!

И, плакуна с омерзением, морник скривиле о взбе. Хозяйка володела к нам, и тотчас несведомо откуда к ней подскокнул мальчик лет семи — восьми. Он прикравил лицо взорданной vareжкой, и из-под огромной шапки глаза его блестяще возмущенные в любопытством: мимо избы проходили боевые машины высшего дивизиона. Старуха тоже взглядела на них, потом перевела взгляд на мальчика:

— Артиллерясты будете?
— Вроде того, — сказала пожилоник.

— А не вы это по деревне третьего дня бросали? Акурат под Новым год? Ещё мне в избу отозвал?

— Может, и мы, — улыбнулся полковник. — Каждая изба, бабуся, не убоимаша... Только изба-то цела, как же говорши, утоди?

Старуха оживилась:

— Вот я и говорю: Красная Армия стреляет — так стреляет! И изба цела, и пель цела, и утварь даже не побило, а двух гадом — на всё так я привокчил!

У крыльца лежали два трупа в зелёных мудрах. Я подошёл к ним, и меня окружили ребята, давая пояснения. Они трогали земца, показывали мне их шапки и погоны, и только мальчик, полноватый к хозяйке, стоял в стороне. Из разо-

вороз с ребятами я понял, что окошки снарядов пробили крышу над самой пелкой и убили этих двоих и что один из них — плотный и голыйстй немцы с круглым добродушным лицом — был стариком. Судя по отличиям, это был обер-ефрейтор.

— Он по-русски говорил, товарищ командир, — сказал мальчик постарше. — Всё на бабушку Кондратьеву кричал: «Курточка! Пель тоньше! Воды принес!»

— Ошведко он вовсе, кто бабка его и мила, — сказала девочка постарше. — Он всё искался в избе...

— Он вошёл на Маруську кладд, — подхватил мальчик. — Мы то все а погребце на огороде жили, а бабка с Маруськой а избе... Показыве вещь — а сейчас её в волюски смете и говорит: «Поздарок тебе», — а ганцы кругом смеются. И он смеётся...

И посмотрел на морщивы пальцы, короткие и толстые. Очевидно, у обер-ефрейтора был весёлый характер.

Прикажись к коленным старухи, Серёжа попережму смотреть на подходевшие боевые машины. Емпер на отнял от лица vareжку. Огромный свисток покрывал весь поборозд; живая губа была безобразно раздута. Это изуродованное детское лицо было так страшно, что я невольно отгайл глаза.

— Это он его левольтером ткнул, — сказала мальчик, взявшийся мне пояснить.

— За что?

— Его Серёжа с Новым годом поздравля. А он как солтиса — и прямо дулом в рот. Он левольтером тогда чистил.

— Ничего не чистил, а из крышанки вынул я вилла, и с Маруськой вилла, — сказала девочка. — Бабка и мне сказала: «Поздравь говорит, гоистого с наступающим, он, ноке, гоистого!» Она я Новому году готовилась. А я заболела. А Серёжа вошёл и сказал громко так: «Господи начальник, с наступающим, вас!» Он как зекнится, в глаза ажрыла; думала, убьёт. А он кричит: «Кто тебе сказала?» Тут его я ударила.

— Бабка говорит, от от швей рехнула, — ошнать солоник пошлет мальчик. — Как это «кто сказала», когда Новый год... Все же знают...

Обер-ефрейтор услышал то грозное слово, которое вналегло под немцами весь декабрь, которое они скрывали, — слово, произношенное им в ужасе. Это было в дни наступления Красной Армии под Москвой, и лича разгрома фашистских армий. Грозное слово бежало вперед наших войск.

Серёжа продолжал разглядывать трагичные боевые машины, изредка осторожно воявая разбитую губу и проводя пальцем по безобразно вспухшее десне. Боевые машины прохаживали через деревню в ту сторону, где пылало зарево заката. Закат освещал деревню, Серёжу и обер-ефрейтора красным светом: кровь лица пожара, и казалось, что грозное слово улетело в этот разгоразованный пожар, отхвачив зелёные и грязные армий немцев.

Слова зима, слова снега, и слова из завед летит грозное слово.
Наступление!

1943 год

В землянках, в сумраке поночи.
На память нам прилетит
Как мы в дому своем родном
Встречали Новый год!
Как собралась звонью
Умирного стола
Как много было нам дано
И света и тепла;

Как за столом, в кругу друзей,
Мы пили в добрый час
За счастье Родины своей
И каждого из нас.
И кто подумал бы тогда,
Кто б выгнал вперед,
Что немучная беда
Так скоро нас найдет?
Зелёный гость вломился
В дверь.

Разрушка кров родной,
И вот, друзья, мы здесь теперь —
Наедине с войной.

Кругом снега. Метель метет.
Пустынно и тошно...
В жестокой схватке этот год
Нам встретит суждено.

Он к нам придет не в отчий дом,
Друзья мои, бойцы!
И всё ж его мы с вами ждем
И смотрим на часы.

Он в обиде будет он,
Коль встретим так, как есть,
Как нам велят войны закон
И ниша с вами чести:

Мы встретим в грохоте боя,
Взматающих снега,
И чапу смерти до края
Наполим для врага.

И вместо русского вина —
Так этому и быты! —
Мы эту чапу — всю, до дна —
Вреть заставим пить.

И пусть Германия не ждёт
Домой солдат своих,
Да будет сорок третий год
Последним голом их!

В лесах, в степях, при свете

Под небом фронтовым, звезд,
Мы понимаем этот год
Оружьем боевым.

М. Исаковский

Кривая „ось“

Д. Заславский

Рисунки В. Горюева

Гитлеровская система государств, умирающая из-за краткости фашистской «оси», держится на двух основных коях: на Германии и Италии. Прочие — Румыния, Венгрия, Финляндия, Болгария — это колеблющийся столб. Стоит вынуть из «оси» маятниковую колыбель — и «ось» окривеет. А если бы выпала Италия, началось бы несомненный распад этой гитлеровской конструкции.

Катастрофа англо-американских войск в Северной Африке, начатая блестяще организованным десантом, сделала актуальной проблему выхода Италии из системы гитлеровских государств.

Прошла гитлеровских планов сильнейшим образом подрывает моральный авторитет гитлеровской Германии в «оси» и создает условия, благоприятные для процесса распада итапо-германской колыбели. Вот почему так важно сдерживать, в какой мере прочен союз Италии и Германии, чем держится этот союз, каковы его внутренние противоречия.

Есть выражение: «Связался чорт с младенцем». Конечно, Муссолини совсем не похож на младенца. Это, напротив, старый, прошедший политико-экономические выкрутасы. Конечно, и немецкий чорт не так страшен, как его малютку робкие люди. Всё же нельзя отрицать некоторую противестественность союза Германии и Италии, если вспомнить историю развития этих стран. Не так уж много общего у азовоморского, социально-политического и культурного облика этих стран. А если говорить об исторически сложившихся связях, символически и антипатично, то мало в какой другой стране немцы так нелюбимы, как в Италии. И не удивительно. В течение долгого времени австрийские немцы были угнетателями значительной части итальянского народа, и страдания его новой истории связаны с борьбой за освобождение от австрийских немцев. Это не забыто и не может быть забыто, потому что Мадзини и Гарибальди остаются национальными героями итальянского народа.

Откуда же берётся шпашевый роман Муссолини и Гитлера?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо кратко припомнить прошлое. В первой половине XIX столетия ита Италия, ии Германия не представляли собой единых государств. Они раздроблены. Немало месяцев объединялись вражда различных германских государств — Пруссия, Австрия, Бавария, Саксония и т. д. Италия не менее жёстко всего это, то часть итальянских земель находилась под властью немцев.

В Германии объединение и образование сильного централизованного государства идут путём войны между немцами-эпохальными. Висмарк сбилелом и кровью превратил восточную часть королевства германских герцогов в единую Германскую империю. Франко-прусская война 1870 года совершается объединению. В 1871 году король прусский делается императором германским.

В Италии объединение и образование центрального государства идут путём революций, сильнейшего национально-освободительного движения и войны с Францией и Австрией. Главным деятелем новой Италии является Кавур, курьер итальянской либеральной буржуазии. Франко-прусская война содействовала объединению Италии. В 1871 году король Виктор-Эммануил торжественно вошёл в Рим как в столицу объединённой Италии.

Однако правые круги Германии и Италии, попустоюству авуахуахуа, решили принять участие и в устройстве мира.

Новые империалистические державы ставили перед собой задачу развить промышленность. Вильгельм II угрожал всему миру броуновскими кудрями. И не только угрожал, что этот кулак выде большой сухопутной армии и нового, многогребневного военно-морского флота был достаточно внушителен.

Итальянский империализм получил поддержку империализма Великобритании. Под знаменем итальянских плутocrats находились белая, аграрная страна с населением более чем в половину германской, страна, не являющаяся поэтому от других крупных государств. Хотя Италия тоже размахивала кулаком, но кулак этот выглядел совсем не так внушительно.

На свои собственные силы Италия никак не могла колонизировать. Вопрос о выборе союзников был основным вопросом в итальянской внешней политике, причём, каков бы ни был тот альянс, к которому Италия присоединилась бы, она в любом случае осуждена на гибель, в лучшем случае, второй очереди.

Кого же избрать себе в партнёры? Кого сделать другом жизни? Вот проблема, которая мучила итальянских политиков не в меньшей степени, чем разорочную голландскую невесту.

Избрать Германию с Австро-Венгрией? Это сулило бы в случае успеха переносить в Средиземном море уничтожение английской военно-морской базы на острове Мальта — предмет мечтой итальянских бюрократов, приспособленцев Савойи, Ниццы, захват Французского Туниса, Абиссинии и т. п. Но тогда пришлось бы распространиться с Южанами Тироля, со всеми альянсами на Балканах. Какою бы ни была империя в Африке, Италия оставалась бы в Европе второстепенной державой с неутоленным аппетитом, с хронической болезнью в душе. Да и еще выгоды от союза с Германией были все-таки журавля в небе, поскольку Италия хороша была характер своего немецкого партнёра.

И всё же желание разрешиться в 1882 году присоединением Италии к Германии и Австрии, образованием Тройственного союза, который в течение тридцати двух лет, вплоть до первой мировой войны, 1914—1918 годов, играл немаловажную роль во внешней политике Европы. Италия послушно шла в фарватере германской политики. Она считала, что так выгодно.

Начавший роман с немцами, Италия не могла себе забыть мизантропию. Даже в случае торжества Тройственного союза германский империализм не возмечал бы людями дождя со своей султанской власти Европы. Италия послушно шла в фарватере германской политики. Она считала, что так выгодно.

Начавший роман с немцами, Италия не могла себе забыть мизантропию. Даже в случае торжества Тройственного союза германский империализм не возмечал бы людями дождя со своей султанской власти Европы. Италия послушно шла в фарватере германской политики. Она считала, что так выгодно.

В 1914 году началась первая мировая война. Германия и Австро-Венгрия выступили, как и предполагалось, в союз с Францией, Англией и Россией. А Италия? Она сначала поддержала участие в войне и сохранила нейтралитет. В действительности она выжидала на чьей стороне сила, к кому выгоднее присоединиться?

Любовь без радости была...

ли пропискилась вперед. Кавура сменил Крипи, Висмарк — быстро сменившиеся министры Вильгельма II, который криком объявила претензии Германии на первое место в мире.

Единственной, ещё не разделённой тогда до конца страной оставалась Африка. На неё и двинулись Германия и Италия. Успешно работая локтями, вступая на ноги соседям, Германия прописалась в Центральной и Югозападной Африке, захватив обширные территории на юговостоке.

Италии достались несли Ливия — Киренаика и Триполи. Италия бы и совсем за толкала. Но Турция в это время держала глубокой жрице. Султанат лежал в параличе. В международной печати Турция называлась «больным человеком», и кровью все, кому не лень было. В войну против Турции выступила Италия, и как на слаба была итальянская армия, а турецкая была ещё слабе. Италия явилась победительницей. Ливия стала её завоеванной добычей. Осмелев, итальянские политики протянули руку к Абиссинии. Но в битве при Адуа в 1896 году итальянская армия потерпела полный разгром. Уцелевшие генералы удалились вперед своей разбитой армии.

Хотя Италия удалось впоследствии получить в Африке ещё и Сомали и Эритрея, но она осталась хронически объек-

Прошёл год войны, и Италия решила, что выигрывает Антанту. Она выступила из Тройственного союза и вступила в Тройственное соглашение.

Так окончился тогда роман Италии в Германии. «Была без радости любовь, была разлука без печали». Но и от нового союза Италия много не получила. Она, правда, как говорят англичане, «стояла на вершине дождя и убрала сабля из-под земли» — даром-добровольно. Она могла с гордым сказать о себе и действительно гордиться: «Я выиграла». Но «изиграла» она только Потерию и урожаи сабля из-под земли. Во-первых, она осталась верна своим традициям в войне. Другие воевали в течение четырёх лет с переменным успехом: и они близ, и их близ. Италия же воевала непрерывно обнаруживая замечательное постоянство не в пример изменчивым итальяским политикам: Италию только бил.

В 1918 году Италия досталось только слабые ушко — угол Южного Тироля. Она не получила ничего из германских колоний в Африке. Мечты о «возмущении итальянском Средиземноморье» оказались сложить в сундук и переслать нафляком.

Италия снова обиделась и снова оказалась в одиночестве. Война её разорила. Внутренний политический кризис разрешился рождением фашизма. Муссолини — ставший итальянским банкиром — стал повелевателем Италии, палачом рабочего класса. На своём шее Муссолини, этот политический командант, разглагольствовал: «История, начертанная Муссолини и его учениками». Весь бугарский реваншизм античного Рима был вытеснен из музея. Тут оказались и древний Карфаген, и ещё Северная Африка, и Средиземное море, и Малая Азия, и Балканы, и французское южное побережье... Всё это некогда были владения античного Рима и, следовательно, должны были стать собственностью фашистского Рима.

За империалистической программой следовала авторитарность. Самым местом оставалось прежнее несоответствие захватнических appetitov и военно-экономических возможностей, хотя под шумок Италия успевала ставить Тринест и ещё кое-что на Балканах, а затем овладеть Абиссинией.

Забравшись этот солидный колониальный кусок помогло то обстоятельство, что фашистская Италия была уже не одинока в Европе: рядом с ней повисла фашистская Германия, где бандиты и авантюристы пришли к власти, иная точно так же на обиде и неутоленном appetite империалистических королей.

Муссолини поддержал Гитлера. Было время, когда гитлеровская Германия нуждалась в этой поддержке. Муссолини вылезал на Гитлера сверху вниз и вёл свою самостоятельную политику. Когда началась вторая мировая война, Муссолини не сразу примкнул к Германии. Он сначала выжидал, верный итальянским традициям политическому скептицизму. Гитлер не возмущал ему особого доверия.

Легкий разгром Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии положил конец колебаниям. Весной 1940 года фашистская Италия вступила в войну на стороне гитлеровской Германии. Теперь Муссолини считал — и всё-таки ошибался. Капитуляция Франции дала возможность Гитлеру обойтись без помощи Италии. Корейка, Савойя и Ницца снова остались только фашистскими журавлями в итальянском небе. Это была первая обидка.

Зато ещё остались планы захвата всего бассейна Средиземного моря. Побода над Югославией и Грецией шло владение Ближним Востоком, всем левантийским

его побережьем, африканским берегом Средиземного моря. Малой помощью — захватом Каналом. Муссолини уже вообразила себя новым Цезарем, главой «Белойки Римской империи»...

Но тут повторилась уже привычная история: Италию стали бить. В короткий срок её выбили из Эфиопии и Сомали, из Абиссинии. Все планы на захват Малой Азии и арабских государств рухнули. Гитлеру пришлось вырвать своего незадачливого союзника и послать немецкие войска в Африку, в Ливию, который угрожал английским войскам.

Отношения сны внутри системы осложнились. Номинально фашистская Италия была равноправным участником военного грабежа и разбоя, фактически же она сошла на роль вассала. По мере того как слабела Италия в экономическом и военном отношении, всё более грубым и бесцеремонным становился немецкий партнёр. Он устоял свой контроль над итальянской промышленностью, успешно перекрывая промывальными и сарая из Италии в Германию, требовал дивизий на советско-германский фронт, устремил посеместный шпионаж... Словом, итальянский народ, как сто лет назад, оказался под властью неизвестных «тедаска» — немецко-авоавоветалей.

Со всем этим примиряться бы итальянские фашисты, если бы неманемой оставалась уверенность в победе Италии-германской коалиции. Однако вот эта именно уверенность пропала после того, как весной 1941 года немецкие войска потеряли разгром под Москвой и все планы Гитлера провалились, а итальянские дивизии испытали бедствия зимовки в Советской стране.

Италия вступила в войну на стороне Германии, будучи твёрдо убеждённой в том, что война продлится недолго, что она не потребует от Италии значительных затрат ни людских, ни материальных средствами, что победа достигнута легко и можно будет её реализовать в ближайшее время. К затяжной войне Италия не была готова — такая война ей не по средствам.

Когда гитлеровская Германия опарывалась после зимы 1941—1942 года, приобратилась и фашистская Италия. Она была изжата на окончании войны в 1942 году — до того как Англия и США накопят силы для перехода в наступление. Италия напрягала все свои силы. Она дала десять дивизий на советско-германский фронт. Несколько дивизий вёл борьбу с югославскими партизанами, причём, конечно, итальянцы бьют и здесь. Основные сухопутные силы были сосредоточены в Африке, где под командой немецкого генерала Роммеля они вместе с четырьмя немецкими дивизиями успели продвинуться в Египте почти до Александрии.

Лето 1942 года Италия дрожала в условиях голода населения, нехватки запасов металла и текстиля, роста безработицы в городе, парализованной в поведении оппози-

ции внутри итальянской фашистской партии. Немцы в Италии вдули себя всё более грубо и вылащивали. Требования Гитлера повышались. Итальянские рабочие, которых Муссолини, как работяги, возмнил на немецкие заводы, бегут из Германии.

Всё же ещё лето и в начале осени 1942 года Италия в сравнении с Германией мало испытывала непосредственную военную опасность. Самойте редко показывались над итальянскими городами, итальянский флот (правда, с охоткой) плавал по Средиземному морю, итальянская армия стояла в бездействии в Египте. Это расхолабило к известной степени и города Италии. Немцы заманили против колющихся вылазителей. Берега Италии слабо укреплены. Вооружённые силы в основном находятся вне Италии.

Вдруг вся картина радикально изменилась. Война внезапно приблизилась вплотную к Италии. Её берега, острова, города становились докам театром войны.

Английская 8-я армия сильным ударом опрокидывает войска генерала Роммеля. Немские дивизии бегут, бросив итальянцев на проломном судыби, захватив все транспортные средства, вогу, продовольствие. Итальянцы рассыпаются в пугание, многие гибнут от жажды и голода. В самый короткий срок Италия потеряла Киренаку и Триполитанию.

Что же немцы? Где их хваленая сила? Где их помощь?

Ответы на эти вопросы просты.

Германское сопротивление и Сталинские наступления Киренаку и Триполитанию градом похитили резервы, на которые можно рассчитывать Италии в Африке. Всё, что Гитлер мог сыграть в Германии в отношении проваления стран, похитилось на оккупацию, в миссоруку Сталинграда.

В то время как Роммель бежал с востока на запад, а запад на восток двигались англо-американские войска, неожиданно вылазившие в Алжире и во Французском Марокко. В то время полностью провалились планы, поставленные сотрудничеством с Францией. Нарзавя периметры, Гитлер двинул войска в Южную Францию. Муссолини петухом-петухом занял теперь Корсику и Савойю. Но в этом уже было утешение. Двизия французского флота в Тулоне положила конец отрицательной комедии примирения с Францией. Война возобновляется в здесь.

Под убийственной бомбёжкой и в воздухе в пугни превратился Генуя, а над наступила очередь Турина и Милана. Все итальянские города с паническим страхом глядят на итальянское небо.

Но ещё страшнее поражения итальянцев опустительный разгром немцев под Сталинградом, пролом на Центральном фронте и на Северном Кавказе. Становится всё более ясно, что в 1943 году итальянские политические спекулянты поставили свои верные жонгли, но теперь Муссолини проигрался, на свою беду, и поставил судыбу Италии на порочном, но западном немецкого жеребца, которому суждена гибель задолго до финиша.

Так улетела Красной Армии в африканская кампания англо-американской войска, изменив вполне военно-политическое положение в Европе, создали условия для выезда из стран Италии и для изювления гитлеровской Германии (Статья 4).

Как жадно старался из пухлякской складки фашистская Италия не хотела удовлетвориться скромной ролью нейтральной страны. Она показала стать влиятельной Средиземного моря, чтобы вылазители золотая рыбка была у неё на покосках. Но в итоге стал фашистский «Цезарь» бедняком на пороге разорения Италии, а перед ним его разбитое корыто...

Профсоюзно-комсомольский лыжный кросс, посвященный 25-й годовщине Красной Армии

Кросс будет проведен в городах и селах страны с 14 февраля по 1 марта 1943 года. В эти дни массовой военно-лыжной подготовкой и слачей норм комплекса ГТО по лыжам будут заниматься миллионы рабочих и колхозников, юношей и девушек. В эти дни мы увидим, какие профсоюзные или комсомольские организации, какие ремесленные училища или подразделения Всевобуча могут быть названы первыми в соревновании на ловкость и выносливость, на готовность стать искусным воином-лыжником. Война предъявила нам высокие требования, — значит, это соревнование будет не только оживленным, но и трудным.

Юноши за 18—21 минуту должны пройти на лыжах дистанцию в 3 километра, девушки — за 16—17 минут дистанцию в 2 километра. Кроссмены-мужчины идут 16 километров, женщины — 3. Зачетное время при этом для мужчин — 1 час 05 минут — 1 час 20 минут (в зависимости от возраста), для женщин — соответственно — 22—24 минуты.

И все эти цифры высоких норм требуют от каждого будущего кроссмена: сегодня же становись на лыжи, начинай тренироваться!

Чтобы эта тренировка была поистине массовой и каждодневной, много придется поработать комсомольским и профсоюзным активистам — представителям комитетов комсомола, комитетов физкультуры, профорганизаций, советов спортивных обществ, органов Всевобуча, народного образования и здравоохранения. В районах, городах, областях, краях и республиках страны они объединяются в соответствующие оргкомитеты. На предприятиях и в учреждениях ответственность за проведение кросса несут представители завода (или фабрики), секретарь комитета комсомола и председатель Совета коллектива физкультуры.

Звучит ружавка, комсомольским и профсоюзным активистам следует сейчас же приниматься за дело. Надо провести агитационные лыжные пробеги и эстафеты, воензированные переходы, спортивные праздники и выступления лучших лыжников. Уже сейчас нужно оборудовать места для проведения соревнований, утвердить порядок и календарь проведения кросса, проконтролировать качество подготовки будущих кроссменов. Информация населения о предстоящем кроссе, обеспечение врачебного обслуживания соревнований, систематическая проверка тренировки лыжников в комсомольских организациях — всем этим нужно заняться теперь, не откладывая дела в долгий ящик.

По заснеженным просторам нашей страны бойцы Красной Армии теснят на запад гитлеровскую орду. У многих из них есть верный союзник — лыжи. Советский воин на лыжах стал грозой для немецких захватчиков.

Таких же умелых и выносливых лыжников мы обязаны готовить ежедневно и ежечасно.

К нам через годы и века обращается великий Кутузов:

«Настанет зима, вьюги, морозы: вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости похода, ни злобы врагов: она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушится».

Будем же воспитывать в себе выносливость воина, искусство лыжника-бойца! Пусть кросс в честь славы и победы Красной Армии накажет нашу спорность и умение! На лыжню, на снежную целину, товарищи комсомольцы!

1. По заснеженным просторам предгорий Киргизии лихо мчатся молодые джигиты. Сверкают на солнце клинки, мелкая снежная пыль стелется по дорожке.

Тактические задания бойцов подразделения Всевобуча Фрунзенской области начались!

2. Последние минуты перед первым боем. Уже вернулась разведка, составил организационный план атаки. Особо важное задание поставлено перед комсомольским подразделением кавалерийского клуба. Выматательно слушают бойца последние наставления командира.

3. И грянул бой! Словно снег на голову, налетели на «протанки» комсомольцы — они вросли и победили. Метким огнем с фланга встретили 120 джигиты, организующие засаду на дорожке.

Писатель в журналиста, пишущему сейчас о войне, важно не только знать факты, но и чувствовать ритм и напряженность времени.

Две разных по жанру книги — одна из них принадлежит журналисту, корреспонденту ТАСС, Ал. Хамадану, другая — писателю Леониду Соболеву — характерны прежде всего глубиной чувств военного времени.

Книга Хамадана, в сущности героико-хроника боевых дней осажденного Севастополя. Автор честно и прямо рассказывает обо всем, что увидяла доблестная в пропасть, шестилетним излучением фронтовой корреспонденции.

Горы окружили врагами, город в осаде. Горы утраты разрывов поразает стены в землю. Но Севастополь продолжает жить, работать, бороться. Журналист показывает эту жизнь. Мы спускаемся вместе с ним в глубины окопов, где в подземных убежищах лежат оружие, снаряды и юны героические рабочие и работники Севастополя. Мы выжили здесь с этими нестями и сидели людьми, хороша заглянши, как жила и как нужен для победы их труд.

— На фронте идет сражение... и вдруг не хватало бойцовых или даже одного только командира. Помогаете, кто будет? — говорит Клавя Овина.

— Она командова. И она оглавно поимает ответственность своего дела. Клавя советует мимолетно. У нас в подземных убежищах нет мажорная, еще выматает четка К. О. Эти инциденты работников.

Широкая известность в ставлении Севастополя попользовалась героическая история морского завода Анастасия Чтуе. Осколком вражеской бомбы ему была ранена и потеряла руку. Но госпиталь изолдла женщина вернулась на завод. У нас в подземных убежищах с удивлением и настойчивостью героя являлся за работу. Весь заводской коллектив следил за борьбой отважной патриотки, поставившей себе целью восстановить форму. Она побойла этого, добилась потому, что знала: вражеские подвизна ринуть к горю.

Изда Севастополя живо и ярко встают со страниц книги Хамадана. Это патриоты, для которых судьба родины выше всего. Севастопольский старожил артиллерист Алтунюв уже стар. Он не может идти на фронт, и он делает для фронта конверты. Его конверты с письмами защитников города пошлны во все стороны большой страны. Младенца девочка Лина работает в госпитале. Ее всего восемь лет, но она остро чувствует напряжение борьбы взрослых, и она хочет своим посланным трудом помочь этой борьбе. Ина становится необходимым человеком в госпитале: она раздает большие книги, воду для питья, раздает газеты.

Героизм Севастополя особенно ярко проявляется на передовых, где, упрямившись в тифной, каменистой земле, бойцы неделю летосы отстаивали в дождю в горюду. Вот защитники старинной Грознейской башни в Балаклаве. Большинство из них — комсомольцы. Командир отряда младший лейтенант Григорий Олово — комсомолец на строительстве морского метро, он строит стадию «Сокола». Это веселый и храбрый человек, зарыкающий своим откликом и уверенностью всех бойцов отряда.

Ал. Хамадан «Севастополь», Изд. «Молодая гвардия», 1942, 127 стр. Цена — 4 руб. 50 коп.

Наша сила немечки твардов в мыл разбилась о стены башни, но покотела упорно зашаталась. Соединит истинность этих выдержки комсомольца. Выдержки, не дрогнув, не потеряв веры в победу, лишь укрепив свою боевую закалку.

Этот рассказ со страниц фронтовой хроники Хамадана, овеяный оживыми зарисовками боя, облич героической пулеметчицы комсомолки Нины Одиловой. Эта девушка в Севастополе так тосковала, баловничая с зрингаковой фабрика, а бой заосела признание в слух: «Любимый, незабываемый, вечно живый» назвала она город, закровавый гробор Боролас и гробор умерла.

Летняя тетрадь героини начиналась словами Д. Толстого: «Не может быть, чтобы не было, что и ни в Севастополе, ни ввиду в году вышу чужого какого-то мушкетера, гонимого и чтобы кровь не стала быстрее обраться в ваших жилах».

Кручину, близкую связь с голыми перед глазами Севастополя олицетворяют многие герои книги Хамадана.

«Постоять. Из этой земли, выловить всеядный пестрый Малахов курган — высокая потребность фронтовиков, людей, знающих безмерную ценность жизни и полные смерти из поле браны», — говорит Пестров, Гуз, Богданов, Лавина, Шахерта и других, о ком пишет журналист, мы живно узнавали через мемуары, которые поочередно эта велика советских Севастополя.

Книга Хамадана не отнимает хронологическую живую историю героической обороны Севастополя. Берлинская наступление и свидетелем которых до конца остался автор, оказалась все этих его зайков, но это не снижает ценности книги. В преданиях о местностяхных занесках Хамадана углубляется до вынаслема напряжение борьбы за Севастополь, которое всегда будет на боевых знаменах русского народа.

Небольшая книга рассказов Леонида Соболева — очень близка теме Севастопольской обороны, хотя и не посвящена этой теме непосредственно. Леонид Соболев обыл в войну в составе своих рассказов о морях, снажидшихся на фронте отечественной войны. Как и в книге Хамадана, в рассказах Леонида Соболева бытает живая пульса войны, и в рассказе есть ритм и напряжение, ее неслышательна, притягательная и неотступная сила.

Но жанр книги Соболева совсем иной. Ее местоистно не в последовательном и разностороннем описании событий и людей, а в выборе тем, сюжетов и фактов, в которых с наибольшей амплитудой проявляется аростный и неповторимый дух русских мореходов, завоевателей и в этой войне славу беззаветных, бесстрашных воинов.

Писатель верен теме, зато близок ему. Он отыскал в живых событиях, его окружавших, то, что особенно дорого и важно для него, это события, в которых слышатся его новым произнесением.

В рассказах Соболева легко чувствуется богатство наблюдений и верность понимания жизни героев. То «стандартные» обывание веселого, уверенного и в себе и удаленного человека», обывание, которое так глубоко почувствовал писатель в «Морские дурости», и то, что особенно важно, — это события, в которых слышатся его собственная, индивидуальная характеристика, живую черту.

Писатель знает, как тяжелая борьба и как много она требует жертв, и поэтому он не перебрался до его рассказа, и поэтому исполнено светлого оптимизма: сейчас все окончательно интерес и требованьям этой, Соболев очень хорошо понимает это, но стремится

Леонид Соболев «Рассказы», Изд. «Молодая гвардия», 1942, 87 стр. Цена — 1 руб. 50 коп.

сделать свои рассказы отвлеченными требованиями времени, он в то же время избегает повествования в пестрых, но слишком затерянных жемчужинах.

Почему так убедительно, просто и человечно сюжетно его рассказы, так доходящие до сердца и до души? Потому что в этих требованиях войны. В рассказе «Властелин красной» прекрасном рассказе о мальчишке, который подполз случайно красной краской к немецкому танку в окопах, выиграв, есть такая сценка.

Командар Дорюхов на пути к батальону, расползшемуся в сотне метров от немцев, останавливается на несколько минут. Ему нужна жилая связанно и засыпает. Он слышит сквозь сон немца, и перед ним встают прекрасные в дорожке ему люди, жидкие, худые, худые, худые. Но писатель строит к своему герою, как к самому себе и к читателю. Он предугадывает:

«Но помни, товарищ: если мелькает перед тобой в коротком, том же дорожке лицо ребенка или дальняя тихость забытого дома напавши на тебя жежно и коварно, если в лицо, затлутую башню ромашка, слышущая в стеноу, или как искоре оковы, одношоко твою влону, почувствуй тяжесть сошной родной планеты», — пропущившись, не следя глаголами, валиши, Восток твой — бой. Мелать не время. Спокойствие, любовь и счастье — все, о чем тоскует в войне человеческое сердце... — все это средно войной к одному пониманию.

Это — не только размышление за герою: это творческая декларация писателя. Вот в человеке должно быть отавно борьбе. И в умение человека отавля себя этой борьбе, подвизнет ей все чужество свои и мислительность его, благородство его, его мужество, его честность.

Герои Соболева живут отавно и для победы. В удали, отавге, в непримиримой ненависти и возму проявляется характер и обаяние этих людей. Они олицетворяют сквозь «Морская душа» в этом отношении особенно показателю.

Мы ничего не знаем о морях, который прямо с глумлением брошена в бой. Это чужок пулеметный расчет немцев (рассказ «Фея с гапаном»). Незнаетца даже его фамилия. Но мы видим в этом порыве благородства, доблестности, мужества и в молча скроем герою перел его прахом.

О русском Щербаче (рассказ «Полезна работа») мы знаем только то, что, смертельно раненый, он не августа его лиз штурвала, пока последние напряжения воя и мускулов не отырул катер от вражеской омы катафорта. Но мы знаем, что в героической смерти своей раскарался перед нами сила и цельность характера этого человека.

И старинна второй статьи, герой рассказа «Прудом» делов такой же. Под штурмом Мексика он встал на так и воял в своем яекло, даже немечко увлекания гусеницами машины. Считывались, но не считались не в так же, как храбрый герой веча в рядх других бойцов.

Соболев глубоко драматичным напряжением отливает рассказ «Сержант старшина». Это рассказ о подполковнике, едва не погибавшем под войной от неадекватности воздуха: рассказ о выдержке морехода, в котором тем пачею профессионализм, дисциплина, лучше сказать, с чувством стуровой героини морского дела, которое вновь и вновь подымаются героическую близость сислуду «морской души».

Живая сила Леонида Соболева с героической борьбой советских моряков, точный и четкий язык его рассказов, удачные решения индивидуальности выгодно отличают сборник рассказов писателя от массы литературного полуфабриката, не редкого еще в нашей печати.

И. Жваню

Отвественный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Гирлады», 24.

А 66. Издательство в Ленин 211-43 г. Изд. № 142.

Тел. Д 3-34-24.

Формат 72x110 см. 2 п. л. 36 и н. л. 60 000. Вып. 144.

Зам. отвественного редактора — Ю. А. ШИМАН.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Тираж 90 000 экз.

Типография газеты «Гирлад» имени Сталина, Москва, ул. «Гирлады», 24.